

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ РАСПАДА СССР ДО ПРОЕКТА БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Аннотация

Интерес к Евразии вырос в начале 1990-х гг., когда в постсоветских государствах стали формироваться и внедряться различные теории. Согласно региональному подходу, регионализм воспринимается как политическая панорама в стадии становления и характеризуется большим количеством разнообразных акторов. Основной интерес в данной статье сфокусирован на взаимосвязи между различными аспектами евразийского регионализма, такими как торговое сотрудничество, политика развития и определение идентичности.

Ключевые слова: Евразия, Россия, холодная война, Советский Союз, Европейский союз, Кавказ, Центральная Азия.

Автор

Шоаб Хан

Доктор наук, магистр философии,
научный сотрудник Центра центральноевразийских
исследований Университета Мумбаи,
президент культурно-образовательного
общества ALFAAZ, преподаватель Колледжа
по подготовке социальных работников округа Махим
(Мумбаи, Индия)

Евразийская политика

На экономическом и политическом пути стран, получивших независимость после распада СССР, возникает ряд новых и вполне предсказуемых вызовов. Страны постсоветского пространства вынуждены преодолевать на пути становления три этапа, а именно: преобразование многонациональной империи в многочисленные независимые национальные государства, формирование рыночной экономики на обломках централизованной плановой экономики и смена политического курса с идеологии социализма при главенстве одной партии на либеральную демократию. В то время как одним странам из числа бывших советских республик удалось построить устойчивую демократическую систему и даже получить шанс стать членом Европейского союза, в других странах

укрепилась система управления на основе политических кланов или жесткой диктатуры.

В рассматриваемом регионе остается открытым большое количество вопросов, начиная с того, каким образом обеспечить верховенство права в странах, где данный принцип никогда не соблюдался, и заканчивая необходимостью разрешения сепаратистских конфликтов, разразившихся в Молдавии, Грузии и Азербайджане. Переходный период начался еще в 1991 г., однако лишь в начале XXI в. стали появляться докторские диссертации и появились публикации более углубленного анализа этого комплексного и изменчивого процесса. На сегодняшний день уже набралось много интереснейшего материала, которого хватит для целого учебного курса длиной в один и даже два семестра.

Динамическое развитие региона в политическом и социальном отношении было намного более сложным и многогранным, чем во время СССР, поэтому его изучение и преподавание является непростой задачей. Одни ученые исследуют процессы, происходящие в России, другие — сосредоточены в своих работах исключительно на Украине, странах Балтийского региона, Центральной Азии или Кавказского региона. Даже к началу XXI в. происходящая на постсоветском пространстве трансформация не была полностью интерпретирована такими дисциплинами, как политология, экономика и социология [1].

Появление Большой Евразии

Текущую ситуацию в международных отношениях можно воспринимать как новую холодную войну, а Евразия становится главным полем битвы и одновременно противоположным, не западным, полюсом в этой новой конфронтации. Причина заключается в том, что США и некоторые европейские страны пытаются вернуть свое бывшее господство. Сложившаяся ситуация гораздо опаснее, чем она была во время предыдущей холодной войны, но попытка восстановления доминирования, скорее всего, окажется безрезультатной. Мир, переживающий период усиления конкуренции, будет стимулировать трансформацию глобального геополитического, геоэкономического и геоидеологического пространства.

Эволюционировавшая международная система идет в направлении новой биполярности, где Евразия будет играть роль нового геостратегического и экономического полюса, а Запад, ограниченный Большой Америкой, станет противоположным полюсом. В этой новой международной реальности статус США будет колебаться от статуса сверхдержавы до важного глобального центра силы. Впрочем, на данный момент Большая Евразия толь-

ко начинает обретать более или менее определенные очертания [2].

В государствах Евразии, пришедших на смену бывшему Советскому Союзу, регулярно проходят выборы, однако лишь немногие политические режимы в регионе отвечают требованиям международных демократических стандартов. На самом же деле большинство этих политических режимов сталкивалось с общественными протестами и иными формами общественных вызовов и угроз, возникающих из-за разногласий между элитами, этнических разногласий и экономических кризисов. Причины и условия стойкости этих политических режимов, однако, не вполне понятны исследователям [3].

Создание Единого экономического пространства (ЕЭП) означает обеспечение свободы движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы на территории Таможенного союза (ТС) и в рамках Единого экономического пространства. Основная цель заключается в том, чтобы создать благоприятные условия для реализации принципа свободного перемещения услуг, капитала и рабочей силы, а также в том, чтобы снять оставшиеся ограничения, препятствующие свободному перемещению товаров.

Непрерывный поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), наладившийся в странах Евразии в период переходной экономики, дал возможность более масштабно и понятно объяснить населению, как распределяется иностранный капитал, и тогда стало ясно, что человеческий и социальный капитал является наиболее важным фактором, что в положительном смысле отличает западные государства от восточных и урбанизированные государства — от сельских.

Геоэкономические проекты России во многом определяются международным политическим статусом страны, и, таким образом, стремление к созданию Большой Евразии свидетельствует о том, что для Кремля неразрывно связанными оказываются внешне-

экономическая политика и положение на международной арене. Российское руководство хорошо осведомлено о глобальных переменах в мировой экономике, но вместе с тем оно загнано в ловушку мощной волной национализма в мире, захлестнувшего процесс формирования и реализации внешнеполитической стратегии. И Большое Евразийское партнерство с его громким названием не является исключением. Кремль осознает стратегическую важность развития азиатского направления во внешней политике, но имеет ограничения в экономических и политических средствах для достижения своих целей [4].

Изначально Россия ставила перед собой цель интеграции с Европой в статусе лидера постсоветского пространства. В данной концепции Большая Европа включала бы территории от Лиссабона до Владивостока. Через некоторое время в отношениях России и Запада стало появляться взаимное недовольство, высшая точка которого была достигнута в период присоединения Крыма к России и дестабилизации Восточной Украины, когда вслед за этими событиями последовали санкции западных стран в отношении России. Вместе с тем в связи с последствиями мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Россия устремила свой взгляд на восток с главным намерением привлечь инвестиции в Сибирь и Дальний Восток и укрепить отношения с Китаем и странами Азиатско-Тихоокеанского региона [5].

Когда в Кремле осознали, что избежать санкций от Запада не удастся, возникла идея о Большом Евразийском партнерстве. Потеряв Украину как потенциального члена Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2014 г., Россия была вынуждена пересмотреть свои интеграционные амбиции на постсоветском пространстве. Перед Большим Евразийским партнерством стояли две масштабные экономические

задачи. Во-первых, попытка России и ЕАЭС присоединиться к проекту Китая «Один пояс — один путь» (BRI). Второй, менее масштабной задачей было налаживание сотрудничества ЕАЭС с Ираном, Южной Азией и Юго-Восточной Азией без посредничества Китая.

Кризис в отношениях России и Запада совпал с периодом, когда Китай начал реализацию инициативы Экономического пояса Шелкового пути в Центральной Азии, о чем Си Цзиньпин объявил в Казахстане в 2013 г. В докладе международного дискуссионного клуба «Валдай» 2015 г. с восторгом принималось рождение центральноевразийского сотрудничества и утверждалось, что основными движущими силами трансформации Центральной Евразии в зону совместного развития станут евразийская экономическая интеграция во главе с Казахстаном и Россией, Беларусью и проект Экономического пояса Шелкового пути [6].

Региональный порядок на территории постсоветской Евразии

В западных политических дебатах о будущем регионального порядка имеется, как правило, две стороны: приверженцы дальнейшего расширения евроатлантических институтов и критикующие подобную позицию, утверждающие, что именно расширение привело к нынешнему кризису и его необходимо прекратить. Данные дебаты становятся все более оторванными от европейской и евразийской действительности. Однако критикующие политику расширения не предлагают убедительной альтернативы для региональной интеграции, что делает их позицию уязвимой. У России, как кажется, также отсутствуют какие-либо действенные решения существующих проблем [7].

После окончания холодной войны вопрос о расширении НАТО на восток не ставился. Единственной задачей, решение которой необходимо было как

Советскому Союзу, так и Западу, было определено статус объединенной Германии. Западные представители заверили советскую сторону в том, что они не намерены расширять НАТО на восток. Эти заверения никогда не были оформлены официально и в дальнейшем о них не упоминалось. Варшавский договор оставался в силе во время объединения Германии, и Вашингтон устраивало такое положение. Если бы Москва настояла на официальном ограничении дальнейшего расширения НАТО при условии вывода советских войск из Восточной Германии, западногерманское правительство, вероятно, согласилось бы на подобное условие¹, равно как и Соединенные Штаты [8; 9; 10].

В новом европейском порядке после холодной войны многие надеялись, что альянсы в конечном итоге останутся в прошлом, а им на смену придет расширенное сотрудничество на платформе институционализированной ОБСЕ. Парижская Хартия 1990 г. и заявления, сделанные на последующих совещаниях СБСЕ/ОБСЕ в течение 1990-х гг., подтверждали возможность подобного развития событий².

Сегодняшние условия нельзя называть идеальными для достижения договоренностей в области регионального порядка. Отсутствие доверия, горькие обиды и скопившаяся в большом количестве враждебность друг к другу наряду с кровопролитием, например, в Донбассе, ставят достижение договоренностей в разряд серьезных политических вызовов. Недаром в России и на Западе попытки договориться часто называют политикой умиротворения. Опыт 1930-х гг. подсказывает, что такие попытки бесполезны, более того, они приводят к ослаблению националь-

ной воли и снижают готовность страны к победе в неизбежном конфликте, когда он, наконец, наступает [12].

Следуя этой логике, представляется более разумным и, безусловно, более политически выгодным отказаться от любых попыток избежать конфликта. Именно эта ситуация требует дополнительного обсуждения и согласования. Если бы Россия, ее соседи и Запад полностью доверяли друг другу, не было бы необходимости создавать новые правила. Некоторые политологи утверждают, что вопросы безопасности регулируются только после победы, после войны, по итогам которой было установлено, кто имеет право формулировать правила для будущих поколений, а кто нет [13].

В истории можно найти немало подтверждений в пользу идеи о том, что новый порядок вводился именно победителями, а не путем переговоров между сторонами: например, союзники после Второй мировой войны. Но, как показывает история послевоенного времени, даже в периоды крайней ослабленности Россия не разделяла западные представления о региональном порядке, касавшемся своих ближайших соседей. В этой связи Западу, во главе с США, необходима полная победа, чтобы навязать России свое видение регионального порядка. В ядерную эпоху это не представляется возможным, что сдерживает глобальную войну.

Поскольку достижение нового соглашения по региональному порядку сегодня практически невозможно с политической точки зрения, правительствам следует рассмотреть вопрос о разработке поэтапного подхода к соглашению, чтобы постепенно продвигаться в этом направлении. Первоначальные шаги, предлагаемые ниже, призваны подготовить благоприятную почву и задать импульс для последующих, более амбициозных шагов, вселяя уверенность в том, что уступки не будут использованы противоположной стороной для получения преимуществ в

¹ См.: Речь советского посла в ФРГ Владислава Терехова «Объединение Германии и проблема расширения НАТО: что обещал Запад?»: <https://mgimo.ru/about/news/experts/132057/>.

² ОБСЕ, Парижская хартия для новой Европы, Париж, 21 ноября 1990 г. Обзор дебатов и ссылки на соответствующие документы ОБСЕ см.: [11].

дальнейшем. Впрочем, Россия просила о переговорах по региональному порядку уже, по крайней мере, в течение десяти лет, ссылаясь на то, что нынешняя архитектура мирового порядка слишком устарела [14].

Обеспечение безопасности в постсоветской Евразии

Окончание холодной войны и распад Советского Союза сформировали международный политический контекст, необходимый для выработки новых взглядов на безопасность, выходящих за рамки узкого понимания национальной безопасности и военных угроз. Новая тенденция, заключающаяся в том, чтобы рассматривать безопасность более критично и взаимозависимо, появилась одновременно в академических и политических кругах. Барри Бузан (Barry Buzan) в своей работе 1980-х гг. отошел от понимания безопасности как противоречия между государствами — защитниками безопасности своих граждан и как предотвращения угрозы для своих граждан, что присуще политическим коллективам [15].

В постсоветской Евразии возникали первые сепаратистские войны, тем самым проверяя на прочность жизнеспособность новых национальных государств в регионе. Проводимая США политика по взаимодействию с постсоветскими государствами была в основном направлена на укрепление государственного суверенитета и сдерживание российского давления посредством военного сотрудничества и интеграции в евроатлантические структуры. Россия также стремилась пересмотреть свои отношения со странами постсоветского региона, предложив целый набор региональных организаций, лишь бы сохранить лидирующие позиции в ближнем зарубежье. Изучение этих явлений сосредоточено в рамках реалистической парадигмы, рассматривающей государства как

главных участников процессов и воспринимая региональные и международные организации с утилитарной точки зрения, лишенной нормативного влияния на их членов [16].

После прихода Путина к власти появился целый ряд исследований, посвященных возрождению России как великой державы, что способствовало формированию иного понимания безопасности, основанного на власти и региональной конкурентности [17]. Сложившаяся тенденция была еще более усилена глобальной войной с терроризмом и акцентом на военно-стратегические понятия государственной безопасности. В последнее время проблемы безопасности в постсоветской Евразии были связаны, с одной стороны, с последствиями Афганской войны [18] и войн на Ближнем Востоке [19], с другой — с геополитической конкуренцией между Россией и Европейским союзом и НАТО, а усилия по ремилитаризации постсоветской Евразии и постоянные войны объясняют не снижающийся уровень популярности стратегических исследований в академической среде [20].

Вывод

С окончанием холодной войны сформировался международный политический контекст, необходимый для выработки новых взглядов на безопасность, выходящих за рамки узкого понимания национальной безопасности и военных угроз. Новая тенденция, заключающаяся в том, чтобы рассматривать безопасность более критично и взаимозависимо, появилась одновременно в академических и политических кругах.

Политическое руководство ряда авторитарных постсоветских евразийских режимов, вдохновленное примером восточноазиатских государств и китайской моделью экономической модернизации, предприняло попытки

сформулировать и реализовать схожие долгосрочные стратегии. Приоритеты в области развития включают улучшение деловой среды, повышение качества образования и научных исследований, а также диверсификацию производственной структуры в целях снижения зависимости экономики от доходов, получаемых в результате экспорта природных ресурсов. Однако политика, направленная на модернизацию экономики, ограничена требованиями о поддержании политической стабильности и сохранении действующего режима.

Соглашение об ассоциации с Европейским союзом является важной дорожной картой и своеобразным якорем для правительств, которые намерены установить в качестве стратегических приоритетов либеральную демократию и конкурентоспособную рыночную экономику. В намерения Евразийского экономического союза входит создание общего рынка, гарантирующего свободное перемещение товаров, капитала, услуг и рабочей силы, а также координация и правовая гармонизация экономической и иных политик.

Достижение договоренностей между Востоком и Западом и обязательства общего характера в совокупности могли бы создать более благоприятные экономические условия, обеспечить безопасность для некоторых государств, не лишая их при этом перспектив членства в интеграционных объединениях. Возможно даже, что некоторые из этих государств предпочтут остаться вне каких-либо блоков и торговых альянсов, поскольку нейтралитет наилучшим образом отвечает их текущим потребностям.

Большую выгоду России, Западу и странам, не присоединившимся к какой-либо интеграции, могло бы принести скорее установление нового регионального порядка, чем его отсутствие. Учитывая возможность взаимовыгодного сотрудничества и многочисленные вызовы, с которыми сталкиваются Россия и Запад, не в последнюю очередь и со стороны Китая, стоит предпринять попытки прийти к согласию.

Возможность того, что новая холодная война перерастет в настоящую, остается вполне реальной, как и во время первой холодной войны. Планы каждой из сторон победить ничем не подкреплены. Между тем борьба является разрушительной как для России, так и для Запада, и не менее губительной для государств, занявших нейтральную позицию.

Исследуя вопросы безопасности на территории постсоветской Евразии, аналитики применяют реалистический и стратегический подходы, сосредоточившись в первую очередь на государственной безопасности и военных угрозах. Как в академической сфере, так и в политической подобная тенденция привела к ограниченному восприятию и недостатку критического взгляда на необеспеченность региональной безопасности, невнимательному отношению к причинам сложившейся ситуации и путям ее предотвращения.

Конкуренция великих держав и отстаивание национальных интересов представляется непреодолимым препятствием на пути формирования устойчивого мира, что губительно влияет на регион в целом.

Литература

1. *Rutland P.* Comparative Politics of Eurasia // Oxford Bibliographies. — 2017. — 27 сент.
2. *Karaganov S.* The new Cold War and the emerging Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies. — Vol. 9. — No. 2. — July 2018. — P. 85–93.
3. *Brusis M.* The Politics of Legitimation in Post-Soviet Eurasia // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia. — P. 1–17.
4. Post-Soviet Eurasia. Track 1 — People and Communities, Next Generation Democracy, Regional Trends 2000–2015 & Scenarios 2015–2030.

5. Toward the Great Ocean. — 3, 23.
6. Совещание послов и постоянных представителей России // Сайт Президента России. 19.07.2018. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58037>.
7. *Charap S.* Getting Out from in between, Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia. — RAND Corporation, 2018.
8. *Korshunov M.* Mikhail Gorbachev: I Am Against All Walls. Russia Beyond the Headlines. — 16.10.2014.
9. *Sarotte M.E.* Not One Inch Eastward? Bush, Baker, Kohl, Genscher, Gorbachev, and the Origin of Russian Resentment Toward NATO Enlargement in February 1990 // *Diplomatic History*. — 2010. — Vol. 34. — No. 1. — P. 119–140.
10. *Sarotte M.E.* Perpetuating U.S. Preeminence: The 1990 Deals to ‘Bribe the Soviets Out’ and Move NATO // *International Security*. — Vol. 35. — No. 1. — 2010. — P. 110–113.
11. *Zagorski A.* The Transformation of Russia-ECE Relations // *Russia and East Central Europe After the Cold War: A Fundamentally Transformed Relationship* / Ed. by A. Zagorski. — Prague: Human Rights Publishers, 2015. — P. 26–58.
12. *Haltzel M.* No Appeasement Toward Russia // *Washington Post*. — 10.12.2014.
13. *Ikenberry J.G.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. — N.J.: Princeton University Press, 2000.
14. *Медведев Д.А.* Выступление Дмитрия Медведева на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии, 5.06.2008, Берлин, Германия.
15. *Buzan Hansen.* In security in Post-Soviet Eurasia // *Contributions from Critical Security Studies*. — 2009. — P. 135–136.
16. *Kembayev, Triantaphyllou,* 2010. The study of these phenomena remained centred on the realist paradigm, looking at states as the main actors of these processes and perceiving regional and international organisations from a utilitarian perspective, devoid of normative clout over their members.
17. *Kanet,* 2005. Russia as a great-power furthered a view of security based on power and regional competition.
18. *Reeves,* 2014; *Zeigler,* 2013. The spill over effect of Afghan war on post Soviet Eurasia Russia as a great-power furthered a view of security based on power and regional competition.
19. *Cordesman et al.* 2013. The Afghan War in 2013.
20. *Averre,* 2009; *DeBardeleben,* 2008. Russia’s geopolitical competition with EU NATO.

**Перевод статьи с английского на русский язык
осуществила Мария Шадская**

